

В. Н. ЧЕКРЫГИН

О Соборе Воскрешающего Музея

(О будущем искусстве:
музыки, живописи, скульптуры, архитектуры и слова)

Памяти великого праведника и учителя
Николая Федоровича Федорова
Благоговейно посвящаю эту книгу,
Созданную его мудростью

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я, живший больно и трудно, пишу эту книгу и верю, что придут дни, когда план ее высокий станет делом человека.

Мучимый бессильными призраками, влекшими меня к глубинам обновленной мудрости, потерял я много дней бесплодно и напрасно.

Я исследовал мысль и познавал, и рождал образы как художник, но не познал жизни, не постиг глубины ее — и работа моя была созиданием мертвых призраков. И знание жизни было — неверный призрак.

Не познал я жизнь, но потерял ее; в жажде умножить ум и насытить душу познанием, стоящим над жизнью, — заблуждался в одиночестве.

Мои странствия тяжелы и долги, но я не мог не искать исхода правды.

Книги, писанные искусными художниками, — я исследовал: стройные плетеницы слов туманили душу и убивали плоть.

Пьянством называл я пустое художество и в омерзении отвратился от пустоцветных слов. — «Прекрасней, — сказал я, — ветер».

Ничтожное искусство, делание призрака, несовершенно мертвые подобия, — что мне в них.

«Живя в ложном их царстве, — сказал я себе, — ты не будешь живым; что тебе, живому, в низкой работе несовершенства?»

Ты хочешь, — сказал я себе, — видеть живое».

И возвратился я к жизни с простым сердцем.

Но, открыв глаза, увидел, что несовершенна жизнь: холод, болезни, мор, голод, злые ветры и смерть томят живое; увидел я, что мертвы мертвые и не возвращаются.

И вот, в тоске, остался я там, где был, чтобы работать хлеб в несовершенстве.

Взрыхляя землю моими трудами, земля научила меня больше, чем видения поэтов, — мудрость земли взывает к труду освобождения.

Я бежал одиночества. Это проклятие я победил. «Не ведет оно к добру, — сказал я себе, — уныние и мрак и злоба на брата в оболблении».

Я сказал: «Все живое смотрит твоими глазами, и ты не один в мире, а от Отца и с Отцем, но вытесняешь его и хоронишь в могилу с окаменевшим сердцем. Твоими глазами видишь муки и уцербыв живого, боль, уродство и слезы. Что за утеха видеть их?»

Проклятие, а не утеха».

Тогда разгорячилось мое сердце к правде и труду Воскрешения Мертвых, ибо я знаю, что есть одна правда — жить; но неправда — жить, убивая отцов, вытесняя брата и друга, хороня мертвых в могилы.

«Ищи же правды — Воскрешения мертвых отцов, — сказал я себе в сострадании к умершим: — цветы-мудрецы глотают росы неба и пьют сок земли, но ты больший и сила твоего разума не в пределах».

Ищи же путей освободить могилы, пробудить умерших».

Так, готовясь к высокому труду, узнал я спокойствие и ясность и крепость духа.

Но что за радость в одиночестве, и труд одинокий — без силы — несовершенен.

И сказал я себе: «Когда будет много нас, когда мы будем все, мы в единстве воли — Божественный Мастер, и разум познает власть над элементами».

Наше дело — чистое воссоздание совершенными искусствами.

Дело искусств — построить ясные тела Отцов и создать единый дом в живой архитектуре, не знающей глубины потопляющей, верха и низа.

Истинное дело наше — построить небо».

* * *

Мертвый не знает тепла, разливающегося в цвете жизни, ведущей к любви, зиждущей мир. Но живой несовершенно поднят на высоту любви и падает, умирая.

Не освященные трудом, тяготеют над ним призраки, и прикосновенье к ним — боль и самоуслаждающееся томление.

Несовершенное переливается из мига в неполное время, и каждый миг смертен, и в каждом миге умираешь ты и возрождаешься снова. Поднимаясь с трудом и мукой, в тебе сияет и животворит тебя надежда на Великий Исход, дающий силу жить и нести тяжесть мира.

Голос слышишь ты неумирающей жизни и носишь в себе завет Истины — работником ее призываемый быть.

Но оторваться от сна трудно упившемуся пустым созиданием, — создавая призраки, гредишь ты наяву, как во сне.

Но грезя, созидая сны, не веришь ты их бытию, а прикрываешься от разверстой страшящей тебя бездны.

Опьяняясь пустой грезой, падаешь ты к низменности тобой пройденных ступеней бытия.

Но время наступает прийти силам и отнять тебя от бескровных, немых наваждений сна.

Страдания будят тебя, приближая тебя к себе же, чувство утраты Отца, давшего жизнь, и друга-брата подымает глаза твои вверх, и видишь ты рассеянный свет небесных земель, возгоревших в таинственном замысле, но падающих, как и ты, в смерти.

И мир, упоивший тебя благоуханиями, тяжелит тебя, лишеного Отца и друга-брата, не видящего радости в одиночестве услаждаться непрочной красотой гаснущего мира.

Вдыхая земные дыхания: цветущих яблонь, цветов и трав, омоченных росой, слушая ночные звуки льющейся тишины, — ты постигаешь час еще стоящего мира Отцов; тьма ночи, сокрывающая землю, тревожит и страшит твою душу.

Но возгорающее утро, нежный свет солнца учит тебя завету неослабной, неустанной работы.

Непрочность света зовет тебя к деятельному труду — строить небо.

Поедая рассеянную плоть мертвых отцов — кормишь себя не для сна, рождающего призраки, а питаешь силы для мощного созидания.

* * *

Пусть слушает сердце твое, о чем томится живое, — о любви и вечности, о полноте их ныне в гаснущем мире.

Созидая призраки полноты любви, не есть ты жив, убегая трудящейся любви — стать совершенной любовью, себя губишь и падаешь. И разрушается вселенная, ибо далек от себя самого.

Бедный сын двойни небес, о совершенстве гредишь ты живой гармонии, но лишь в одиночестве слабой мысли предвосхищаешь

венец, который после потного труда над созиданием вселенной ознаменует тебя.

Но когда отблески ее посещают твое сердце, дивно встревожен ты, темнеют и ширятся твои очи и дух твой охвачен счастьем, но счастье твое близко к скорби, ибо не совершен мир, а в гибели, и разрушается жизнь и тобою создаваемые призраки полноты.

Жизнь земли у половины срока, а ты спишь, опьяненный, тешась игрой сонных наваждений блудящего духа. Противоречивый — враг уладу, который ни установить, ни принять ты не можешь.

Преходящее и неверное принимаешь за Сущее и спишь тяжелым сном в крови и блевотине.

Но время приходит пробудиться тебе к трезвенной работе, строить трезвой памятью об умерших откровение любви.

Не трудом полученное легко и чуждо, время тебе — не искать полноты, а строить ее.

Овладеть вселенной — дело твое — силой чистых искусств. Дело твое — построить мир в мире¹.

Ищи же путей высокому созиданию объединить небо. В любви к Отцам предотвратишь ты падение мира, близясь к самому себе, равный восставшим Ангелам силой любви.

* * *

Посмотри: закачался лист от ветра — это живая мудрость; упало налившееся яблоко, и пролетела пчела за медом — это течет река жизни, это — творчество неустанного становления.

На труд же иди и ты, полный разума, Сыно-человек, чтущий Отцов, Тебе дано быть причиной самого себя и тем быть свободным и освобождающим, подобным Начальной Причине — Отцу Отцов. Тебе дано не в сонном мечтании, а в труде восстановления гибнущей вселенной осознать себя и мир. Помогай же Отцу в работе, ибо ты помощник Его Отцовской воли.

Посмотри, как чудные руки Отца ничего не оставили забытым. Он родил тебя на радость очам своим в любви и для любви, — не отвращай от Отца Отцов своего лица и люби, ибо без любви нет жизни.

Отвращаясь от завета Его, ты не в силах, безумье и смерть — твой удел, в блуданьях — безысходное отчаянье.

Не познав любви, прахом Отцов ты питаешься, и дом твой стоит недостроенным.

Но и в блуданиях окружен ты незримыми заботами, неведомыми слугами, обращающими злое в благо, определиться к жизни.

Ты знаешь завет Отца, Он дал тебе все, что нужно для полноты силы, вернись в Дом к делу Его, полюби жизнь и трудись, лелея память об умерших Отцах, трудись над Воскрешением, и Отец

Отцов возьмет тебя на плечи и понесет тебя, ибо Он — совершенная любовь.

Завет Его в тебе, тобою — Сыном, Отец твой ходил по земле так, как ты ходишь, был тобой, чтобы научить тебя свободе. Он был ты и Отцом твоим, научая ходить тебя, как любящий Отец учит ходить Сына, чтобы спасти его от смерти. Падая и вновь поднимаясь, Он указал тебе путь, дал образ тебе, жил твоей жизнью и многому научил тебя, и уши твои слышали слова Его.

Разве не совершенна мысль — тобою же искупить тебя. Сыну раскрыл Он величественный замысел Свой и взрастил тебя, ты возрос от Него и мудр делами Его.

И если ты раньше был подверженным смерти по неразумию, то после слов Завета — по нерадению, как ленивый раб, вытесняющий Отцов, убивающий живое, чтобы есть неверный хлеб.

Встряхнись же от онемения, оставь созидание призраков несовершенными искусствами.

Ты полон сил — хлебами — плотью умерших Отцов, поедая же тела их, помни Мертвых, чающих Воскрешения твоей любовью, и борись со смертью.

Ты внесешь гармонию и обессмертишь живое.

Не ослепленными призраками и борьбой, — глазами закона посмотри на гибнущий мир от твоего бездействия и слушай правду голоса мира.

Кормися же, исполняя завет.

ГИБЕЛЬ МИРА. ХАОС

В мире животном ум является в виде хитрости, кротость и доброта в виде глупости, а энергия в виде жестокости.

*Н. Ф. Федоров*²

Невоплощенными гаснут планы Красоты — совокупного единства, нераскровленные в обновленных созвездиях-землях.

В разъединенности, вращаясь и движась по косному закону тяготения, уплотняясь и охлаждаясь, падают небесные миры-земли.

Рассеивается звездный свет, разрушается небо.

Не стоят небесные земли вечно, слышишь, как движутся они, вызывая еле вникаемый рост трав, цветов и всяческих растений, — подымая прах умерших и строя тела животных, насекомых и человека.

Слышишь, как замирают с каждым ударом сердца лишенных полноорганности существ: человеко-сына, коров и всяческих животных и пресмыкающихся гадов и короткоживущих насекомых.

Слушай тишину. Не стояние мира услышишь ты, ибо он несовершен и неполон, — а взаимопожирание, угасание в непрочном рождении.

Слушай в тишине непобежденной ночи, какие голоса томят тебя — голоса раздора и отчаяния, обреченного смерти.

Распятый в тишине ночи, видишь стройное движение в разладе, Слово знаешь умирающим.

Гремят перекатами грома в неразрешенной грозе вселенной, и разливающийся ливнями свет гаснет, и гаснут призрачные лики живых.

Медленно погасает возгоревший свет жизни, как тающее облако — движение вселенной.

Чрево жены рождает непрочное в муках и боли; на чудно распещренных крыльях подымается живое в слабом торжестве над смертью, но смерть подточает мудрое строение тела, лишает голоса и движения его, — расплывает и рассеивает.

Чудно разукрашенный мир видишь непрочным.

И радуга, обнимающая небо, гаснет.

Стремительный полет птиц убывает, не достигая голоса любви.

Улыбку ребенка, дрожащий блеск и нежность утренней заря встречает мысленно человек с грустью мысли о преданности смерти. Поглощается образ Отца и любимого друга-брата, печатью лежащие в человеке.

Греет человек холодеющую плоть убывающим солнцем, грезя призраками на земле — могиле Отцов.

Не пробуждаемый к торжеству, засыпает он, лишая жизнь силы, и в полусне, слабым сердцем, изумляется гибели красоты и блага, не окаменевшим сердцем дивится гибели живого, сопротивляясь смерти.

В коротком дне, обольщаясь радужными отблесками жизнедержавного солнечного замысла, человек бессилён раскрыть свет — запечатлен в круге рождений и смертей, восстановления убывающего косного вещества.

Омраченное царство, содрогающуюся во тьме ночь видит он в раздробленных и погасающих звездах-землях, — умирание вселенной, мыслимой быть вечной и [полной] несказанной, неизъяснимой жизни.

* * *

Все, что открывает себя в героизме, солнечном свете, любви, отваге и блаженстве, что светит в порыве благорастворенных воздухов, фиалке, доверчивом взгляде кроткого лика зверя и всего живого, — погасающий свет Духа, ибо человек далек от себя.

В глубине своей ищет он прекраснейшего закона вечности, но, ища в отвлечении, находит сон, и в сне, разъединенностью от Отца и брата, предается смерти.

Бояся потерять высокую жизнь, теряет ее, теряя слепой мир, — находит высокую жизнь свою в отрешении, и бессильна разрушающая Родство.

Близится к любви человек, но не может перевалить волну ее, и она падает, чтобы собираться вновь мелкими струями, — ибо Жизнь ищет Жизни и избегает падения и смерти.

Оскудевая духом, мир человеку — море, в котором купаясь, он тонет, но сопротивляясь текучей среде, непрестанно борясь с ней, она несет его как своего победителя, не дающего себя втянуть в слепое течение.

И солнцу, в лучах которого греется человек, играя вытесняющими друг-друга представлениями, близит смерть он, узаконяя тьму вечной ночи.

Под покровом тьмы созидает человек подобных себе, — рождаются, и первая секунда бытия — начало умирания.

Убийство, голод, мор, истощающаяся земля и оскудевающие реки, редющие леса, в которых боятся вить гнезда птицы, — угасание вселенной.

Во взаимной, слепой вражде, подчиненный бессмыслием закону космической войны-грозы, человек, живя смертью других, убивает землю, но прежде земли — себя.

Умирают звезды — небесные земли, как умирают листья осенью, никнут народы и царства, слагающиеся из бесчисленных смертей; рассыпаются скалы в песок, и разрушаются цветы, сонно подъявшие прах Отцов.

В мире косных законов царит слепая и жестокая сила, чуждая внутреннему закону Сыно-Человека. Взаимопожиранием уничтожает она живое, сильная слабостью человека, подчинив его слепой вражде. Сильное вытесняет слабое, споря за неверную крепость тела под гаснущим солнцем, но жалок сильный перед смертью, равнодушно пожирающей правого и неправого, мудрого и жестокого, зверя и насекомого.

Страшася мрака, утешается человек призраками, но, грезя наяву, впадает в сон, в яви забывает ускользящие видения, уносимые смертным временем.

* * *

Человек горящий мир гасит в бездействии.

Мертвый невоскрешенным живет в человеке, с живым дремлет он, отчужденный от Совершенства неполнотой любви.

Мертвыми Отцами сытость человека, и, пресыщаемый, как зверь, не избирает он наилучшее — славу бессмертную.

Истинно Павел сказал: «То, что ненавидит, делает раб неразумной силы, и то, что хочет, — не делает. Доброе, которого хочет, не делает, а злое, которого не хочет, — делает»³. Неразумный, разрушая родство, убивает, и закон ему, не восставшему — желая доброго, сеять зло.

Во внутренности слышит закон удовольствия добра, но в членах человека — закон зла, противоборствующий живому и закону ума человека, делающий его пленником закона рабов.

Человек носит имя, как живой, но не мертв он и не жив, и имя его — пустое притязание.

Подверженный слепому круговороту — держава его — бесконечность рождений пустых обликов.

В неполном бытии, ограниченном временем, напрасно притязает он на высшее место в иерархии живых образов, скованных рабством.

Не больше их человек — восстание незавершенное и гибнущее — пустая форма не исполненного Завета.

Душу человек питает горькими плодами, услаждаясь отблесками плана восстания, тело питает кровью Отцов, и, силясь удерживать убывающие сны, ловит пустые образы.

Не насыщается он миром, не изменяя закон рабов, в жадности силится погасить небо.

Раб нужды человек, заботы, бедности и бессильного труда, уничтожаемого временем.

Туга пригнетает его леденеющую душу, забывчив он, как слабый.

Алкая пожрать небеса, рассыпается в прах человек, подверженный, как раб, косному закону падения тел.

Заглушая многоцветный сад, сухая смква — человек, созревшая прежде времени, которую кто уничтожает.

Трудно постигает человек, что и любовь в несовершенном мире — смерть.

Властный раскрыть небо, собрать и просветлить небеса, опьянен, как зверь, он бессмыслием борьбы, узаконяя дикий закон.

Но горе человеку — ярость смерти нема.

Звери пожирают зверей, и сын убивает сынов, моря поглощают покойников.

И жизнь ныне — утомление, болезнь и уродство.

Скрипучими колесами, украшенными цветами весны, давит тебя смерть, уничтожая твоё восстание к утверждению неба.

Пожирает трупы человек, но они — его же плоть.

Не ты ли был козой и птицей, ослом и волом и рыбой и пожирал рыб и побеги трав? Но трава была ты, и неисчислимые сердца разрывал не ты ли, себя ущербя?

Ты был птицей и ловил мотыльков на холодной от ночи плоти цветов.

Львом бросался на ягненка, а он, еще не зная мира и обманываясь, был готов к игре с тобой и прыгал к тебе в неразумной радости, и погибал, познав зло в брате-себе.

Волком ты рвал тело собак, но ягненок и собака были — ты. Так умерщвлял ты себя, узаконяя зло мира.

Живущий в доли человек разбивает и пожирает сердца духов, но дикий голод усиляется.

Ищет новых сил он, чтобы жить, и живет, ища силы, осуждение себе пьет и ест человек, борясь с живым, чтобы жить.

Куда ни обращает взор человек, — ограничено пространством и временем знание его, всюду смерть мира видит он, но, сознавая болью распадение мира, делами в хаосе он раб, косо вращающийся колесо жизни.

Но, просыпаясь смертью близких к действительности, видит закон, которому предан мир, несогласный с сердцем.

И не тебе ли он слышен в томительных ночах ожидания смерти?

* * *

Не есть ныне человек ни в духе, ни в любви, тешитя он пустым обличем, и раздвоенность удел его.

Не может весь он прилепиться к миру, ибо мир непрочен в рождении и умирании.

Лишь радужными отблесками замысла о Свете горит он, зиждимый его излучениями в холодной ночи.

В возрождающемся свете ставит человек вежи пройденного пути блужданий и поисков исхода, знаки мысли, невыразимой словом, влагает он в форму, свидетельствующую о неугасимом, но извращенном разуме, забывшем дело Завета.

Косноязычен язык блуждающей мысли, путаясь плетеницами слов, ищет он удержи туманных представлений.

Бреднями слабых строит сеть себе, — застился блестящим покровом призрака разум.

С увядшим венком красивого убранства, сделанным на вершине горы, шатается от вина, сбивается с пути. Пьянством обезумевший, в видении ошибается, в суждении спотыкается.

Слабым духом чертит он призрачный образ падающего мира, принимая его за держащийся вечно, забывает о плане его и любитя лишь подобиями призрачной глубины величия и ясности. Косной убитой плотью строит человек неподвижный дом — подобие паренья и выси совершенной архитектуры, — но не жизнь.

И вот, бедствие и разрушение, зной, холод, бури и ливни и засухи — от противоборства слепой силы. Вселенская война сна разрушает домохозяйство человека.

Так, живой и не живой, вечно обновляясь, мир и человек в непрочном бытии, падающем ежемгновенно, мир не знает мира.

Но расколотому, раздробленному, бездейственному духу лишь вечность перехода доступна, и одна лишь реальность — ненасыщаемых стремлений.

ХАОС — РАБОТА ЧЕЛОВЕКА

Дух человека, сиюсья распространить строение дома своего, овеществляется убийством и разрушением форм живого, разрыванием облика подъема плоти мертвых отцов.

По косному закону тяготения созидает человек свой дом и вещи и мертвую ткань — подобие живых органов тела.

Возмещая падение, ущербы разрушающейся жизни в войне всех против всего, — мертвое вещество берет человек в работу свою, камень или металл, и придает ему вид жизни, живого органа или же подобие целого организма.

Поднявшиеся в живом образе растения — мертвый прах Отцов — или в теле животном — человек умерщвляет, разрывает тела их, обрабатывает кожу или же кости и придает им вид жизни.

Утешение человеку, не пришедшему в разум, — созидание подобий. Несовершенное искусство — работа его, зиждущаяся на умерщвлении.

Промышленностью называет человек убийство (а не действительное воссоздание), производя ткани — подобия покровов и органов тела живого существа.

Скованный в рабстве порочным кругом, и в труде своем повторяет человек слепой закон круговращения траты и обновления неустойчивого бытия.

Возмещая несовершенно мертвыми подобиями траты жизни в войне, неволью раб вызывает вновь ее и поддерживает ее лихие царства хаоса и всеобщего рабства.

Пугающую безысходность дурного, но необходимого труда человек прикрывает обаянием рождений.

Но созидание мертвых отношений давит его, несовершенно вещи, им созидаемые, обличаются властью повелевать рабам — ничтожествам — ленивцам, прикрывающим свою наготу.

Косную материю обрабатывает человек, переливая силы ее из сосуда в бесчувственную форму, — строя несовершенно восстание.

Так созидает человек подспорье временного его домохозяйства.

Восстав от хаоса, став человеком, несовершенно сын пришел в разум. Стремясь строить подъем к нетленному, извратил труд в войне.

Став на ноги, убийца человек, устрашающий братьев, самец, привлекающий жен, чтобы излить непрочную жизнь.

Счастье человеку хаоса — наслаждение. Взял он жену себе, как раба, в косный дом свой и оградил его от подобных себе.

Дом его — крепость, устрашающая извне, внутри же — ложе и украшения ложа, привлекающее жену и охраняющее подспорями рожденное и непрочное рождение.

Надеждой на продление жизни в своих сынах человек подчиняет своего брата в рабство созданием вещей, увеличивающих обаяние полового влечения.

Собираясь в города на пир брачующихся женихов и невест, строит человек магазин вещей (несовершенных подобий организмов и кожи) — склады прихотей, прикрывающих обнаженность тленной плоти.

Жене, ищущей красочней оперить себя для похоти, рабов — подчинил человек, — селян, ушедших в голоде из сел (охраняющих кладбища отцов).

Создал он фабрики и заводы (темницы создающих подобия и опоры несовершенной жизни).

Фабрике и заводу, служащих жениху и невесте, подчинил человек знание, поставив его как раба промышленности.

Армии слепых воинов-рабов охраняют рынки, спрашивающие покровы холодеющему и опоры падающему телу. В непрерывных скрытых и явных войнах убивает человек человека из-за свободного создания подобий и за рынки беспрепятственного их сбыта, несущие рабство и всеобщее закрепощение. Новой ли войной ищет он предотвратить невыносимые явные войны, разрушающие страны, и конкуренцию — войну скрытую?

И вот как выражение хаоса непрочного нынешнего состояния жизни человек строит Всеземной Магазин — Всемирную Выставку. Не что иное она, как изображение жены, магазин и крепость, вооруженная всем для раздора и закрепощения.

Мертвыми покровами — одеждой вынуждаем человек покрываться, ибо его томят зной и холод. Избегая смерти, одевается человек в мертвые тела — подобия живой ткани тела. В похоти расцвечает их, чтобы привлечь жену, а к жене — бесперого самца, ибо таков закон самости в низшей породе и в человеке, несовершененно поднявшемся над нею.

Но фабриками и заводами, уничтожающими леса, истощающими лежащую в земле солнечную силу, иссушающими реки, изменяется ход метеорического процесса (правильного хода распределения влаги), и вызывает ими и городами человек голод и бедствия и болезни и угнетение раздором — конкуренцией.

Промышленностью, производством, сиюсь возместить разрушающуюся жизнь в войне стихий, — вызывает ее человек в немисленной силе.

Подчиняя все большее число селян в рабы (созидающие в домах подобий искусственные тела), увеличивает человек фабрики и заводы, «широкое же производство требует новых орудий, новых истребительнейших веществ для завоевания новых рынков и новых рабов для домов тлена».

Так ширится позорное царство рабов, и господин в нем — раб рабов и слепого случая войны и конкуренции рынков.

Как зверь в косной природе — государство — жестокое чудовище, жаждущее борьбы; им охраняется изобретение новых органов нападения и защиты в войне всех против всего живого.

Повторяет оно слепую вражду и взаимопожирание зверя зверем.

В армии соединяются для борьбы человек с человеком-братом, но и брат в хаосе брату враг, ибо всякая несовершенная жизнь отнимает у человека ограниченные запасы пищи — прах Мертвых Отцов.

В армии соединяется человек для защиты не праха Отцов — отечества, а недр земных, таящих: золото, серебро и каменный уголь, и на них стоящие фабрики и заводы.

Чудовищные машины — безликие мертвые организмы — построил человек, собирающие подобия тел, убивая живые тела, и, как символ непрочного созидания — посреди двора фабрики тлена — высится труба-фаллус.

И мертвые организмы построил человек, подобия фаллусов — орудия, митральезы, пулеметы, ружья, извергающие не семя жизни, а подобия семени — пули, разрушающие лики братьев человека, разрушающие человека.

Бесперывный брачный пир, непрочное рождение от несовершенства защищает человек (ибо рождает человек в несовершенстве полноты, передает в следующий временный ряд жизнь незавершенную).

Жениху и невесте служим мы ежемгновенно, пиру брака, косным законам, подверженные слепым случаям мировой вражды.

Поедая мертвый прах отцов, губим себя, и зверей, и вселенную.

МЫШЛЕНИЕ (ХАОС)

Философия — отвлеченное искание причин — отцов.

Н. Ф. Федоров⁴

Мысль человека раздроблена; то, что в человеке, и то, что вне его, знает он не слитым воедино, а разъединенным, но должным

быть в Единстве*, но, восставая призрачно, падает в каждом миге — изнемогающая мысль.

Одну реальность — передвижение из мига в миг, — знает человек, но не все** в себе признают ее.

Ускользает от человека совершенное познание, и не может, ограниченный временем и пространством, осознать он полного бытия.

Падает изнеможенная в отвлечении мысль, не завершающаяся быть.

Не оплотненная, непрочна мысль и ограничена кругом временного существования.

Глубоки в хаосе противоречия*** отвлеченной мысли. Состояние мысли человека подобно внешним силам, находящимся в войне, рабственной в круге самопожираний (различия школ рационализма, эмпиризма, спиритуализма и материализма).

В многообразном, несущемся с шумом потоке жизни, в глубокой расколотости духа на субъект и объект, но в бездеятельности жажда блага, человек соединяет их в отвлечении, в призраке и иллюзии (учение о субстанции).

Отдаваясь себе, человек превращает себя в смертный призрак, но и отрекаясь от себя, разрушает жизнь он и отвергает бессмертие.

«Ища объекта, в котором дух его удовлетворился и успокоился бы от раздвоенности своей между сознаваемым торжеством над силой смерти и зависимостью от нее, человек доходит до объекта лишь призрачно, а не действительно»****.

И вот, смерть, не побежденная действием, уничтожает и мысль и человека.

«Разум без воли безжалостно созерцает разрушение, чувство без разума (знания) — бесплодная жалость к умершему (погибшему), воля без чувства — злая воля, а без разума — она слепа и бессильна»⁶.

Душа человека единства, отвращаясь от зла дурных рождений, жмется она сама к себе, отвергая наличное бытие, — строит призрачный дом. Погружаясь в мистическое чувство, сияющее мыслесозидаемому дому дать вечность, — напряженностью и экстаичностью, ложной верой в непрочное.

Ложным созиданием мир не избавляется в бездеятельности от болезни и смерти.

* Учение о разьединении понятий на субъект и объект, на трансцендентное и имманентное человеческому познанию.

** Учение о Всеединстве.

*** Антиномия Канта.

**** Н. Ф. Федоров о Тюбингенской школе (левые гегельянцы)⁵.

Опьяненный бред, бессильное прозрение подчиняется тому косному закону падения, от которого бежит душа живущего в сонном мечтании человека.

Одиночный экстаз прозрачного слияния со всем живым полон противоречий неразрешенного чувства*.

Как зверь, гонимый страхом смерти, человек в страхе закрывает внутренние очи, строя надбытие.

Но отвлеченный путь души человека к самой себе, чрез неразумно отринутый мир, не побеждает уродства и смерти, и великая напряженность, самообман, истошающий силы души в одиночестве, бессильной против неразумной силы, несущей гибель миру.

В незавершенном, несовершенном ряде времени падает умерший сын к праху отцов, не дав мертвым отцам жизни, не родив воссозиданием чистым отцов.

Так узаконяется несовершенство и рождающее время, ибо плоть отцов не воскрешена, но мертва и служит пищей сыно-человеку, забывшему отцов.

Неразрешимые (в бездействии) антиномии разума, угнетенность пространством и временем ограничивает не пробудившегося от вакхического сна сыно-человека.

Ползанием он как зверь, и ему доступна вечность: перехода, смены, неполноты и несовершенства. Но иная вечность и не подлежит человеку, извратившему искусства, не определяясь к утверждению неба.

* * *

Никто не знает, кто он другой, как не сын отца, сына отцов, сынов праотцев. И куда он идет, если не к жизни, победить смерть и собрать и просветлить раздробленный мир, И зачем он несет тяжелую ношу смертной жизни, в которой туга и скорбь говорят о тщете опьяненности призраком полноты жизни.

Кто он, если не носит в себе великий план обновления мира и победы над болезнью, уродством, злобой и разрушением небесных земель. Кто он, если не готовит победы: упразднения жара и холода, косного закона тяготения, падения тел и совершения в торжественном дне Воскрешения мертвых отцов, утверждая не знающую печали бессмертную совершенную любовь.

* Отсюда развивается скептицизм.

«То, что называлось трансцендентальной аналитикой, к<a>к и трансцендентальная диалектика, нуждаются в имманентной синтетике». Н. Ф.<едоров>⁷.

ВОССТАНИЕ

От силы, которая связывает все существа, освобождается человек, преодолевающий самого себя.

Н. Ф. Федоров

Конечная цель жизни существ разумных в том, чтобы быть начальной причиной самого себя и тем уподобиться Первоначальной причине⁸.

Н. Ф. Федоров

Тело твое от звезд. В бесконечности ярко горевшая звезда сорвалась с косного пути к манящей звезде, в любовном пути рассыпалась огненными семенами и понесла его, лелея, к совершенству, но гибель звезд — раздор вселенной, умирание мира, стал быть — ты.

Познавая раздор, услышал закон слабости, и не зверь ты. Обездоленный силой, взял орудие строить опоры, поднялся и стал человеком, противопоставляя восстание свое косному неразумному хаосу, гибнущему миру в розни и вражде.

И вот, слава твоя не в сравнении с силой зверей, а в исполнении плана разума — действием. Восстав от царства раздора слепых сил, знаешь лучшую славу строительства не косного*, утверждая пути преобразования небесных земель и всей вселенной.

В зверином царстве борьбы миротворчество человека обозначилось его слабостью и незащищенностью. Принуждаемый жизнью в раздоре соединяться в братство, в воинство для обороны и борьбы против угнетающих сил, познал нерушимость в единении и связи и узнал спасение в единстве. Так сложился разум человека, закон внутренний мира в мире, противный царству умерщвления и угнетения. Осознав зло — смерть, поднял лицо к жилищу умерших — небу — встал на ноги.

Восстав на ноги, осмотрел все, что над человеком и вокруг него, и увидел небо отделенным от земли и падение гибнущего мира, умирание звездных земель и отцов человека.

Так восстанием на ноги положил человек начало живым искусствам — дела перестроения тела своего и вселенной.

Познавая смерть отцов, поднялся на ноги человек, и возросло чело его — алтарь воскрешающих муз — музей отцам, отодвинув к затылку органы похоти — забвения отцов.

* И звери строят непросветленное домохозяйство.

Разум человека построился в сознании раздора и смерти, — орган связи и воспоминания, план собирания умирающего и умершего и восстановления его. В борьбе и распаде человек, слабый в зверином царстве, познал необходимость соединять: так создавалась мысль человека, т<ак> к<ак> сохранение связи-единения — в подлинности, в разуме — есть память. В подлинности — разрыв, смерть, в мысли будет — забвение, то же, что в мысли человека — воспоминание, в подлинности будет — воскрешение. Так, разум есть — знание причин-отцов, истинная связь, родство живого.

Первой мыслью (связью) человека был отец — Солнце. Начало мысли человека и начало храма его — родословная. Крепость рода, все силы звал человек держать в едином духе — во имя отца.

Сын, хороня его в поглощающей земле, мысленно воскрешал его и возносил на небо — жилище умерших. Звездное небо, небесные земли назвал сын человека отечеством, не примиряясь со смертью, уничтожающей жизнь.

В оплакивании ушедшей жизни, в плаче по умершим отцам, о раздоре гибнущего мира — начало искусства человека (проявившееся восстанием на ноги, а потому первым актом строения своего).

Плача, движением рук в печали, тактом ног — выражал отчаяние о гибели, — строил ритмы. Дерево и металл под руками человека зарыдали (начало музыки). Плача словесно, хороня отца в землю, мысленно подымал его на небо (начало поэзии). Над могилами отцов, охраняя прах его, натягивал покров, кожу, мысленное звездное небо рисовал на плате — небесном своде, и в нем — образы умерших отцов (начало живописи, т. е. плана).

Всякое дело человека, всякое строительство и созидания, возводимые им, — не совершенны донныне.

Жилища его с кровом — подобие земли и неба, вещи и одежда — подобия живого организма, частей его или подобие покровов тела. Всякое созидание его — несовершенное воскрешение, — подъем в материальном и ныне как бы проба сил ребенка, готовящегося к подлинному созидаанию. Не что иное дело его, как только самоустроение для будущего совершенного искусства.

Человек создал сельское хозяйство, вынуждаемый слабостью искать пищу без борьбы. В наготы и лишениях познал он разрушающую силу грозы и бури, холод и стужу, самодеятельностью ища [зачеркнуто: возместить ущерб] жизни, создал ремесла, объединяясь в роды, положил начало обществу — селу.

И отвратился человек духом от борьбы, пожирания живым живого. Слабый силами, сострадание познал высшим благом, умиротворение увидел в братстве и лад в Единстве, в собирании.

Услышал в себе высокий закон и зверя любить, как самого себя, носителям зла, смерти и разрушения — дать освобождение.

* * *

Всех преодолел в себе человек: лисиц с их коварством, леопардов и львов с их неразумной отвагой убийства, зайцев с их робостью и птиц с чистой, но непросветленной песнью.

Бури и грозы несут человеку страдание и смерть, но их вызывает человек и носит в себе, совмещая преодоленное несовершенно.

Дух человека, как дух ангелов — восстание.

Призрачна свобода человека, замкнут он и умирает в непреодоленном круговращении траты и обновления вещества, вытесняя живым живого.

Посмотри, собирает солнце светом своим распыленную плоть в ясные образы. И в лете собирают белки запасы орехов на зиму, жнец — хлеб, пчелы — мед из опыления цветов, и разумный сын собирает и хлеб и образы отцов, готовясь ко дню восстания мертвых.

Энергия, не распределенная в движении воздушных масс, в появлении жарких цветов, в распадении рек и скованности льда.

В грозе и буре вселенная: разъяренная, открывает себя в ранах, в видимой смерти отцов — падает.

Небо в слабеющих звездах пророчит тебе близким голосом о кончине. Завет его слышишь: сблизить с мировой силой разум твой, единством воли и знания восстановить тьмы тем жившего, но поглощенного.

Солнечный замысел учит держать свет, но лучший свет возблистает, созданный трудом человека в разверстой вечности.

Кто видит свет гармонии, кто не утомляется работой над созданием света, вдохновен духом, близкий к откровению тела человека в свете.

Работай же над воссозданием мира в братстве; у света пьют, набирая силы, художники грядущего искусства строения небесного рая, святые, мудрецы и дети. В этом источнике вся их энергия; все, оттуда взятое, возвращается к свету.

Истинный работник познает действие стихий, их соединение, брак и победы, ища в разуме дать им язык свободы.

Бесконечное значение в труде человека.

СОБИРАНИЕ (СОЗДАНИЕ ХРАМА)

Твое от Твоих, Тебе приносяще, о всех и за вся.

Евхаристия

Восстанием на ноги — созданся человек — слабая победа над гибелью мира (падением его, земным давлением, косным законом тяготения), и образовался первый мыслитель и первый художник.

Человек есть выражение живого соединения искусств — в архитектуре. Голова его — образ живого соединения искусств — рождающее слово*. Чело человека — орган разума, алтарь отцам, Воскрешающий музей — соединение. А очи — ведение, а уши — слышащие гармонию и разъединенность. Уста, поглощающие отцов, созидают не плотское слово — завершение искусств.

Плача в себе-храме об умерших отцах, вне себя строит человек — храм восстановления умерших — недвижимое подобие своего существа**, — образ дела воскрешения мертвых.

Объединяясь человек с человеком для борьбы с силой смертной и ее непросветленными носителями, сын познал религию действия, связь, видя спасение от гибели в единстве.

Строя единство, осозналось человеком братство родов.

В разумном братском союзе сынов и кладбища стали общими, соединились могилы и созданные сынами подобия воскрешенных отцов — надгробные памятники.

И совместно оплакивая разрушенную смертью связь с отцами, сыны в образах, представляемых подобиями умерших, мысленно воскрешали их во имя всеобщего спасения.

Отпевая умерших, храм обрел голос — музыку оживляющую (подобие будущей музыки, оживляющей прах умерших), воображая отцов и праотцев сосуществующими (икона), мысленно возносил отцов (иконостас) в звездное отечество, строя план победы над косной силой смерти совокупностью живых искусств.

Так создал разум таинство Евхаристии, план Исхода — воскрешения мертвых отцов, служащих в прахе кормом человека, завершая строение храма образа своего.

Как собрание в единство видит человек ныне красоту и силу и следует завету их в собирании чистом.

Но видит, что красота ныне не полна и сияет лишь проблесками грядущего единства всех во всем.

Истинно, храм — план единства, школа его делания, хранитель образов отцов (образов собирания в будущем)***, учитель воскрешающего музея, истинный театр героя-воскресителя.

Единый учитель разуму, ибо разум — знание причин — Отцов, ибо разума природа — есть воскрешение и связывание разъединенного.

Истинный план: собирания искусств, их таинственного значения.

* Совокупность искусств в их неразделенности.

** Таким образом созданся храм, образ существа-сына, воскрешающего отца.

*** Каждый образ: созвездия и цветка, и коня, и человека, и птицы, и жука — проблеск совершенства.

Истинный план: преодоления времени и пространства, упразднения закона тяготения и падения тел вселенной. План преобразования мира и освобождения от смерти.

* * *

Но не в действительности, а в мысли храм ныне преодолевает время и пространство; не жива и ограничена его архитектура и в ней заключенные иллюзорные искусства (проявляемые в косном материале — искусственно создаваемой среде).

Храм — лишь подобие будущей действительности, созданной живыми искусствами.

«С художественной стороны храм есть изображение кажущегося мироздания; верхнего неба и земли*, изображение не земли, только отдающей своих мертвецов, но и неба, населяемого воскрешенными поколениями»¹⁰ — в подобии, а не в действительности. В действительности** — храм представляется образом — школой действию внехрамовой Евхаристии.

«С технической же стороны храм представляет приложение земной механики, которая сводится к удержанию тел от падения». Архитектура земная храма и человека есть противодействие падению, поднятие, поддержание, некоторое торжество над падением тел, давая им опоры, строясь на законе тяготения.

Не жив храм совершенно, но и не мертв, есть и не есть, ограниченный временем и пространством, — разрушается косной силой. Подобие величественности вселенной, — он ниже ее, но выше вселенной по смыслу.

«Смысл его в том, что он — проект вселенной, в которой оживлено все то, что в действительности умерщвлено, и где все оживленное стало сознанием и управлением существа, бывшего слепым».

* Н. Ф. Федоров. Птоломеевское миропредставление, верящее, что есть верх и низ, небо и земля, что человек поставлен в центре вселенной⁹.

** Коперниканское миропредставление, знающее, что есть лишь небесные земли, что нет верха и низа.

ИСХОД

Или вы думаете — нет иного пути к бессмертию, как только через могилы.

Филарет

В вопросе об отношении разумных существ к неразумной, бесчувственной природе человек, или сын человеческий, все даровое должен заменить трудовым. Он должен быть работником, а не рабом и не господином, [он] воссоздатель, а не Творец и не Создатель.

[Н. Ф. Федоров]

Мы знаем то, что сами же творим.

Кант

Творить мы не можем, но воссоздавать.

Н. Ф. Федоров¹¹

«Труд есть религия» — подъем падающего и рассеивающегося в смерти.

Трудясь, человек созидает самого себя, готовится к обновлению вселенной.

Религия, которая не есть труд, да погибнет, злое наваждение блудящего духа.

Разум человека — строитель. Строя себя, стремится он воссоздать дом свой.

Разум знает стремление откровения в единосушие, но нет человеку иного пути к действительному познанию, как только трудом над строением себя, в его домохозяйстве. В труде Воскрешения.

Работа воссоздания умершего есть жизнь.

Из глубины разумного художника-сына возникает священный замысел.

Ныне человек призываем быть работником — божественным мастером воскресителем и великим архитектором неба, держателем вселенной.

* * *

Отыскивая причину-связь явления своего, познал человек, что отец — причина; разумный, слышал, осязал и видел в Отце, и встречу с умершими стал готовить, придя в разум, не мысля одинокого счастья.

Познал, что попирает ногами своими персть истлевших отцов и что за пределами его — легионы умерших, и что смерть их — от слепого мира.

Мужая, приметил, что время приходит обновить солнце, новые небеса построить нетленными.

Увидел, что души истощаются, как влага в круговращении вещества, запечатленные немотой, и что лучшее убивает смерть, благо отнимая живого.

Строя ум свой, познавал, что не распределенная энергия смертна, — истребляя живое, и что стужа убивает совершенство.

Видел, что дикая воля вихря — зло и бездвижность воздуха — к гниению и морю.

Видел, что небесные светила, как плод, отцветают в наливе, — подобные земле.

И познал, что и человек в вихре рода, проносимого во времени, как столб огненный — потухает, и царства никнут в круговороте.

* * *

Изнурая в диком бессмыслии самого себя, нынешние искусства человека — игра снов; бодрствующий смотрит с содроганием на искусство блуждающего ума, плод безжизненных во-ображений.

Ныне одинокий, разумный художник — сын человеческий, страдающий умершим, бродит по мастерским художников, ужасаясь дикости созидания образов — подобий человека и гибнущего мира*, не зная высоты и значения искусства, а пьянствуя образами.

Но он знает, что художники тайным сосуществованием с природой чувствуют в красе ее мысль восстания и собирания мира, чувствуют тайную природу образа (плана воскрешаемого) и чутки к тихому знаку готовящегося освобождения.

Художников-ученых зовет учитель силой соединенных искусств быть отцами отцов, архитекторами-спасителями мира прошедшее возвести в несказанное сегодня, умиротворить дух в вечной полноте, не знающей смерти.

Назначение и смысл труда разумного сыно-человека — созвать Собор — Воскрешающий музей — и стать художником-астрономом-регулятором, не отделяя науку от искусства и религии истинной — почитания отцов**.

* Иллюзорных искусств.

** Это будет переход от искусств иллюзорных (Птолемеевского миропредставления) к искусству действительному (Коперниканское миропредставление).

Воскрешающий музей — храм, орган, видящий продолжающееся строение мира, а вместе с тем и падение, гибель его, — обратит силу земного воинства в небесное — орудие действия музея-регулятора (метеорического и космического процесса).

Пришедший в разум человек объединит духовные силы, соединится в Братство. В едином опыте, труде-знании, строя орудия и испытывая действия напряженности тел, поставит первым делом всеобщего труда — устранение раздора, бурь, грозы вселенной, безобразные силы возводя в материал новой архитектуры*, соединяя живое с первоначалом, строя тела из огненных зерен**, ибо назначение искусств человека — восстановить в подлинном историко в совершенстве.

* * *

Время прошло человеку жить беспорядочными снами; не сны призван художник сыно-человек строить, а соотношения тел — живой мир. Великие держащие силы освободит человек музеем — собором, собирающим роды в единый род для реального созидания прообраза совершенства и полноорганичности, единой волей музея подымая мир на высшую ступень, собирая угасающий свет.

Деля работу познания напряженности тел на дневную и ночную, стоя несменным стражем — орудием разума, наблюдая напряженность солнечной энергии в свете и темноте; идя в едином плане общего дела к укрощению разбушевавшихся небесных стихий, разоружая грозы соединением науки и искусства, — Воскрешающий Музей — художник — нанесет тайный удар смерти, овладевая ходом сил.

Так, не сонным мечтанием, а общим трудом в действительности, познав, какие силы подвластны Братству, человеко-сын объединит искусства в деле созидания живой небесной архитектуры, ставя, как истинный художник, действительность целью труда своего.

Так, став мыслителями в действии, человек человеку представит как работники тайн Божиих, готовя встречу с умершими, возвращая их к пламени жизни.

Воплощая в дело Божественный образ просветления материи, Воскрешающий Музей утвердит мир в мире, превращая необузданные силы хаоса в неистощающуюся мощь, внося как регулятор действий (воля) сознание в природу, гибнущую в междуусобной борьбе, и воссозидая чистую, вечно светлую, бессмертную плоть.

* Коперниканской: удерживающей небесные тела от падения.

** Атомов, электронов.

Цель Воскрешающего Музея — органа муз — есть действительный хоровод, подлинный солнцевод (движение посолонь), имея силу овладеть движением небесных тел и земли, возратить жизнь умершим.

**УМИРОТВОРЕНИЕ СТИХИЙ.
НАЧАЛО ВНЕХРАМОВОГО ДЕЙСТВИЯ
(Регуляция метеорологического процесса)**

Астрономия будет обращаться к астро-регуляции, а человеческий род станет астрономом-регулятором, в чем и состоит его естественное назначение.

Орудия, придуманные человеком для взаимного истребления, станут средством спасения от последствий зла расхищения природы.

*Н. Ф. Федоров*¹²

Не человек человеку враг, а подлинный враг его — сила слепая, несущая бури и грозы и весенние холода, град и стужу и мор и всякое ослабление и смерть всему живому.

Великие моры и засухи несут смерть многим миллионам детей, мужей, стариков и жен, опустошая обильные цветом края в пустыни.

Как знамение должностующего быть общего дела, голод учит объединиться в единую армию — небесное воинство*, отложить междуусобные раздоры (невольное отражение космической войны, бессознательной жизни природы) и соединенной силой обратиться против подлинного врага — слепых стихий, несущих смерть человеку.

Смысл армии — восстание против врага, враг же разумного существа — в неразумной природе.

Единясь против угнетающих сил, человек создал общество, ныне же орудие его служит убийству себе подобных, носителей разума.

Высокое же назначение оружия — защищать, охранять жизнь.

Охранить жизнь зовет сын человеческий, в благо употребленным оружием дать жизнь голодающим**, овладевая ходом метео-

* «Войско, имеющее для себя идеал, или, точнее, план на небе, делается небесным, когда осуществит этот план на земле» (Н. Ф. Федоров)¹³.

** «Не из ограниченных запасов пищи, даваемых случайными урожаями» (Н. Ф. Федоров).

рологического процесса, посылая дождь, вызывая грозы и устанавливая ведро, по нужде краев и стран, возвращая хлеб — прах Отцов — на пищу человеку.

Обеспечить урожай от произвола слепых сил, накормить голодных миром — долг человека, даровое заменяя трудовым; низводя солнечную силу (электричество) из вышних слоев воздуха, разоружая грозы и бури, находя лад их ходу.

Так, внося строй в явления, избавится человек от ослабления и болезни, возрождаясь и набираясь сил для высшего дела, разрешая противоречия сословий: города и села, лица и общины (государства)*, закрепляя делом исход из хаоса в космос, обращая ход истории из бессознательного в сознательный и разумный.

Истинное первое дело будущего человека новой истории — метеорология, ясный труд Воскрешающего Музея.

Время познать человеку зло городов, приносящих расстройство ходу метеорического процесса, зло скопления фабрик и заводов, истощающих лежащие в земле солнечные силы, уничтожающих леса, отравляющих и иссушающих реки, и тем вызывая голод, отравляя воздух смрадом и гниением**, производя пустые вещи, увеличивающие обаяние полового влечения.

Время познать зло слеподействующих армий, охраняющих рынки и производство подобию — тлен.

Не зло ли — обращение селянина в раба завода, зло в городах, делящих сыно-человека на раба и хозяина (раба рабов).

Время познать хаос общины и ее слеподействующей силы — армии (раба хозяина, раба рабов).

Общим отеческим делом — искусством — избавится село от угнетенности и насилия города (не сеющего и не жнущего).

Путь исхода человеку один: преобразить село, охраняющее кладбища отцов, соединив его с городом (знанием).

В села, к труду освобождения земли от гнета слепых сил зовет учитель образумившегося сына, нового человека будущей истории, обратив города в музей и школу воскрешения, строящие орудия, утончающие зрение, слух, и орудия передвижения, [зовет] овладеть силами, рождающими хлеб***, преобразяя сонное село в новое деятельное село — Воскрешающий Музей, борющийся в регуляции

* Регуляция метеорологического процесса — переход к Коперниканскому искусству.

** Будущему не нужны будут металлы, добываемые тяжелым трудом из глубины земной: их заменят металлы метеорического и космического происхождения, привлекаемые из небесного пространства регуляцией притягивательной силы земли и обрабатываемые в городах (кустарн<ые> произв<одства>).

*** 3-й милитаризм.

метеорического процесса с суховеями с востока и с влажными токами, несущими ливни с запада.

А также, распределяя влагу (от экваториального кольца гроз до полярных сияний), направляемых устройством в полярных зонах Лемстремовых аппаратов, поддерживаемых на необходимой высоте аэростатами.

«В природе внешней, в земной планете (и в солнечной системе) нет правящей, производящей равновесие, силы. Грозы и сияния (северные или полярные) указывают на отсутствие регулирующей силы. Громоотводы как регуляторы гроз и Лемстремов аппарат как регулятор сияний есть начало устройства аппарата, подобного нервному, который должен управлять ходом самой земли. Все тела способны приходить в грозное состояние: на солнце видим это в форме пятен, а на земле — в виде воздушно влажных токов, отдаляющихся от полосы (т. е. от тока) гроз и тишины, обходящих всю землю и сопровождающихся большими или меньшими грозами. От этих-то токов, находящихся в неизвестной еще связи с подземными, а быть может, с циклонами или гольфштронами, и зависит жизнь растений и животных, т. е. урожай и голод, размножение и падеж скота. В метеорическом процессе заключается сила, которая носит в себе голод, язву и смерть. Если жизнь солнца состоит из непрерывных и повсеместных на нем, — только неравной силы, — гроз, то и земля, кроме отражений солнечных молний, и сама производит грозы и молнии, непрерывные в грозном кольце, прерывающиеся в умеренных поясах и переходящие в полярные сияния в холодных краях земного шара. Вся жизнь вселенной есть непрерывная гроза и буря разной напряженности, потому что сила вселенной есть еще сила не регулируемая. Изучать природу — значит отыскивать способ разоружения грозовой силы и обращения ее из разрушительной в воссозидательную, воскрешающую.

Вселенная — метеорический процесс, сопровождаемый непрерывными грозами и бурями. Если сила, производящая эти грозы и бури, будет грозовой силой, то изучение ее будет изысканием способов разоружения этой разрушительной силы, регулицией ее, изысканием способов обращения ее из грозовой, разрушительной, в воссозидательную. Без такого обращения, эта сила, разрушающая все, и себя разрушит; само солнце и все солнца — есть грозное облако, которое разрушится вместе с последней молнией. Эта сила может быть управляема только совокупными усилиями знания и труда всех людей»*.

* Философия Общего Дела. Т. II. Н. Ф. Федоров¹⁴.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ МИРА (Регуляция космического процесса)

Преобразование показало Христа, оно соединило двух великих деятелей: устроителя общения и управителя природой — Моисея и Илию, явившихся правой и левой рукой Воскресителя.

Н. Ф. Федоров

Увы, бедный род человеческий, как немало уразумел ты в продолжение целых семи тысяч лет тайну и цель бытия твоего на земле, и как мало приблизился ты к своему высокому предназначению.

Филарет Московский¹⁵

Гибель мира, ливни кометных облаков, падение звезд зовем предотвратить, разоружая грозу вселенной силой единства Воскрешающего Музея-храма, ибо спасение в едином деле человека, примирившегося с братом.

Спасение миру в человеке, оставившем оружие как силу разрушающую, спасение миру в человеке, обратившем оружие в силу Воскрешающего Музея — в силу воссозидательную единства человеческого рода.

Пройдет время, и новый человек разумной истории не будет искать живого мира в отвлеченности, во сне: ясным взором видит он мир, действительный, страждущий и непросветленный, лежащий пред ним, ожидая разума сыновнего дела.

Сын человеческий знает, что не разрушать подъем мира призван он, но завершить его восстание в невысказанной чистоте, раскрыть красу цвета земли и вселенной в новой совершенной свободе и негнетном свете.

Любя живое, — цветок раскровенный в свежей плоти и небесную землю, сияющую трепещущим светом в погасании, — трудись предотвратить их падение и распад.

Трудясь же высоким, разумным трудом, любя все живое, не воскреситель ли ты, не сын ли, ищущий пылливо причины вражды слепо воинствующей вселенной. Не умиротворитель ли ты — работник Воскрешающего музея — воин небесный.

Ты в соборе воскреситель-художник, обладая высшими силами с божественной думой, живой орган разума — ярчайший цвет земли.

Любя живое, сострадая умершим отцам, ждущим разумного труда сына, великий художник, в могучем труде проникнув пытливым

ведением в хаос слепой войны природы, многосердной волей, многими силами единого хора предотвратив голод и уврачевав болезни, должен низвести от светила-солнца его силы на землю, возбуждая и ослабляя ее напряженность и воздействуя на небесные земли, сдвинуть землю с ее пути-орбиты и овладеть ходом ее в между-планетной среде для подлинного и величайшего искусства, таинственного танца — начала перестроения тела человека и земли в совершенном образе танца Воскрешения Мертвых *. Трудом всех сынов человек, став начальной причиной самого себя, создаст себе бессмертие в едином деле искусства-танца свободного парения в небе.

Управляя ходом земли, человек — кормчий небесного корабля, небесный воин вечного мира, преодолевший в себе человека-зверя, — Божественный художник, готовящийся собрать и воссоединить живые искусства: голоса, движение, радостный цвет — в единый свет, в жизнь.

Восхищено мое сердце высоким, прекрасным танцем, строящим жизнь **, воссозидающим танцующих и землю из первоэлемента, танцем упразднения: разлуки, смены рождения и смерти, великим танцем, дающим бессмертие, упраздняя слепой закон вытеснения и смерти.

Привлекая силы солнца, заряжая напряженностью притягивающих и отталкивающих сил землю, внося свободным летом лад и пролагая огневые пути-метеориты, вознесутся бессмертные сыны на ближние планеты, всюду внося разум-лад и строй, овладевая бегом небесных земель, охватывая силу бурь, возбуждаемых солнцем на землях-планетах.

В ширящемся потоке движений танцем прекрасным воссоздадут их, новые зажгут из небесной россыпи солнца, обновляя небо.

Так предотвратят сыны гибель вселенной, преображая закон падения слепых тел *** в закон любви, в силу, восстанавливающую и движущую миры.

О, как могучи мои дети, и братья, и сестры, свободные в едином труде, на свободной земле, танцующей божественный танец начала преображения; строят они совершенство не во сне и не в отвлечении, убивающем жизнь, а в действительности, любя живое и умерших, искупляя несовершенство силой дела любви — искусства.

* Современное искусство танца есть подобие танца Воскрешения Мертвых, перемещение опор, управляемое разумом-музеем.

** Жизнь клеточек животных и растений (биологические процессы) находятся в очевидной зависимости от двух движений земли: вокруг самого себя и вокруг солнца.

*** Привязывающий человека к мертвой земле.

Чутким слухом сыны и дочери человеческие в сострадании услышат биение и трепет частиц шевелящегося на холмах и низинах праха умерших и, как художники, проникающие чувством притянувшее бытие сосуществований, установят родственность живых гармоний и найдут единство звуковой воскрешающей силы и образной, также числовой и пластичной (конструктивизм), познав, что сила искусств — воскрешающая и что истинное искусство — есть внехрамовое действие Евхаристии, превращение хлеба и вина в тело и кровь отца, что искусство (дело) есть искупление — Воскрешение Мертвых Отцов.

Мертвы учителя наши, побитые камнями в слепоте, мертвы мой учитель и братья и друзья, и буду мертв и я, и телом своим буду кормить сына для высокого дела. Рассеются тела наши по священной земле, поглотившей отцов, взявшей живую красу в чрево. Но будет день, в танце Воскрешения зашевелится прах наш, и каждая частица тел наших благословит свет разума, жаждающая искупления и возрождения, заслыша живую музыку хором воскресителей сынов, чтущих отцов, давших жизнь.

ВОСКРЕШЕНИЕ МЕРТВЫХ ОTCОВ (Внехрамовая Евхаристия)

Синтез живых искусств — воскрешение мертвых.

Твое от Твоих, Тебе приносяще, о всех и за вся.

Таинство Евхаристии

Поглощенный, будешь возвращен поглотившими.

Василий Великий

Умершие отцы отяготили землю, тело их в прахе — корм сынам.

И после смерти своей отец поддерживает и зиждет сына, высшего дела ожидая от его разума.

Взрачивая хлеб разумным трудом, освобожденный человек от слепоты воинствующих сил природы приходит к отцу как к истине, связывая жизнь в родство, непоколебимое смертью.

Отягчена земля умершими, а сын рождает сына во тьме, и во тьме сыны живут, созидавая призраки и подобия жившего, и в слепоте брани забыв отцов, гибнут, разрушаемые безудержными силами смерти.

Спит сын, строя подобия совершенного мира, упиваясь образами, как вином упивается слабый, обманывая себя блеском силы и покоя, страшая яви мира, разрушаемого и смертного.

Славя словом и пляской брачное пиршество, опьяненность — вином, течение времени и весну — кратковременное торжество силы рождающей*, сын широко разверстыми очами не видел проклятия смен несовершенного восстания жизни.

Новый человек, испеший из хаоса слепых сил, трезвой памятью об отце и вдохновением сына, как образа его и духа, в единстве которого они пребывают, — овладев движением небесных земель и силами новых солнц, возжженных им по слову разума, перестроив их в новые тела, блистающие, как снег в свете, достигнув трудом власти бессмертия, — не мыслит забвения мертвых, ибо мудрые знают, что и человек, и вселенная, и мысль, и дело человека — есть подобие воскрешения, незавершенное воскрешение.

Познав в мудрости, что дело искусства человека есть воссозидание отцов-причины, и положив силу искусств в труд воскрешения, в глубокой нравственности и любви, в полноте знания приступит единый в воле, чувстве и мысли род человеческий — собор Воскрешающий — в благоговении к величайшему таинству жизни — Внехрамовой Евхаристии, силой оживляющих искусств музыки, танца и образа пробуждая из могил умерших.

Зазвучат мощнее океанов хоры художников-сынов, и посылаемые грозы в глубины земли сотрясут ее, и польются из нее подземные воды, вынося прах отцов.

Высшей музыкой и проникновенной гармонией звучат души и тела живых, и совершенная небесная музыка рождаемого Богочеловека едина с образами отцов**, сотканых Богочеловеком совершенно лучами живого, благоухающего света.

Строительной силой небесной музыки как тайной сути живого зазвучит в ладе с содроганиями частиц праха отца, благословенной волей сына поднимется в вихре восстаний к образу света рассеянный прах отца, и наполнится силой музыки образ света, и вздрогнет и оживет отец в блистающей цветом свежей плоти, и прояснится чело воскрешенного, и восстанет мертвый, оживший в полноте жизни, истинной красоте и неиссякающей бессмертной силе.

И будет совершенное родство сына и отца, ибо сын будет отцом отцу и отец — сыном сыну.

И совершится таинство искупления человека и победа над смертью, исход его из несовершенства силой соединенных искусств в царство нетленности, бессмертия и полноты.

* Язычество, трагическое мирозерцание.

** Небесный иконостас.

Совершив высшее дело жизни — утверждения мира в чистоте и единстве, — человек, самосоздавший себя, подобен Божественной Первопричине; сияющий в радости и неувыдаемом свете человек-воскреситель больше человека, и имя ему — Богочеловек, властитель разума.

Возликует и возрадуется всякое сумеречное создание, восплещут деревья и загорится высший разум у низших творений, став в любви преображающей равными высшим тварям; освобожденные от рабства, косного вращения жизни, мудрые братья они вышним Духам, различные проявления наивысшего Отца.

Возблистает краса света, и не нема будет и не затаенна, звучащей музыкой, живым голосом будет свет, проникая в свободу светлый дух сыно-отца единых в духе.

Нежданные радости и бессмертное счастье мира в вечности познает сыно-отец, видя невидимое, слыша неслышанное.

Рев бесчисленных океанов в разъяренной буре — в обновленном небе заглушится согласной песнью.

Ибо что грохоты и голоса океанов пред музыкой оживленных сфер, в которой свет и звук — одно, где цветы — сплетенная гармония и горят светом.

Новое ухо и новое око в силах познать голоса и свет обновленного мира, и новый богоносный разум совершенного человека вмещает то, что не вместится в нас, скованных рабством и угнетенных раздором.

Так совершится страшное и великое таинство Евхаристии, обращение праха отцов — хлеба и вина, служивших кормом человеко-сына, — в тело и кровь отца*.

* В акте Евхаристии как подлинном синтезе искусств, в противоположность иллюзорному и техническому синтезу искусств подобий — театру, совершается подлинное же, а не иллюзорное действие, т. е. на сцену выходит не лицедей, носящий маску героя, а подлинный герой, актер (деятель).

Театр (синтез иллюзорных искусств) рождает иллюзию героя или явление и, созданный трагическим мирозерцанием, изображает гибель мира (трагическую гибель героя, убиваемого роком, судьбой — слепыми силами). Иными словами, театр показывает разрушение мироздания, его архитектуры, так как опора его — человек — гибнет.

В храме же, как изображению мира долженствующего быть (план Воскрешения), погибнувший герой — опора мира (покойник посреди храма) — воскрешается совокупным трудом и молитвой.

Органический синтез живых искусств будет воскрешение. В воскрешении причины — отца.

Эстетика вбирает этику, идеальное становится реальным, то, что было трансцендентным, становится имманентным.

Объединяются в бессмертном образе живые искусства, разрушенные слепой силой, — и побеждается смерть.

Оживляются и одухотворяются небесные земли — долг мудрости сына — и поддержана падающая вселенная.

С земли, как с престола вселенной, исходит воскрешаемый отец, а за отцом — праотец, как ряды времени (и побеждается время), и поднимаются на небеса, чтобы преодолеть пространство и чтобы стать в чистом лицезрении с Отцами Отцов.

ВОЗНЕСЕНИЕ И ПОСТРОЕНИЕ (Коперниканская архитектура)

Искусство начинается на земле и завершается на небе.

Н. Ф. Федоров

Возрожденные, восставшие силы отпрянут от земли, возносясь в ширь вселенной, и одушевят небесные земли, сдвигая их с путей, установленных косным законом тяготения. В божественном танце-движении перестроит человек плоть свою, и новым светом возгорятся благоуханные тела вселенной — жилище разумных духов.

Овладевая небесными мирами, человек, как солнце, движущее звезды, просветляющий биением просветленной жизни немые пространства вселенной, держащий блаженные силы.

Ставший грудом Богочеловеком, сыно-отец, зиждитель неба, архитектор вселенной, дома обитания мудрости, — построит единый, вечный, живой храм миров, не ищущий опор, ибо опорой его — совершенный закон-любовь. Зачав светлое творчество воссоздания живого в неувядаемой молодости, даст совершенный разум форму устойчивую просветленной плоти мира, чтобы она жила в вечности.

Возожгутся сыно-отцом мощные кометы и поплывут в небе, звуча и гремя сладчайшей музыкой.

И игра ее — часть строя вселенной; собираемые кометы в силу заключатся в мощные солнца, подобные неувядающим блестящим цветам, сотканным из слова (высшей плоти) и музыки.

Воскрешением преодолено восставшими сынами время; вознесением и овладением миров — преодолено пространство.

И познана вечность сыном в полноте жизни, в глубине знания.

Поддержан падающий мир, и мир будет в совершенной любви — Триединстве Отца, сына и духа, в несмеркающем утре, в неувядающей весне*.

* Троицын день.

Воспряла живая краса, собранная в силу, и горит тысячами искрящихся лучей, льющих сладость жизни духам-сынам, ставших единым с созданием.

Вселенная в хороводе*.

Млечные пути, зажигаемые сыном из космической пыли, — материал небесной архитектуры, храма, движущегося в вечности, переполненного голосами тьмы тем восставших, слагающих победную песнь разуму-плотнику.

Воплощая совершенные искусства в Слово в славе.

Нельзя слышать неслыханное, нельзя видеть невиданное.

Чаяние души моей рождает мое слабое слово о вечности и совершенстве любви и света.

Где у человека слова о совершенстве?

Изумляется мой слух мощностью всепроникающей песни Слова в славе.

Да и можно ли говорить о вечности?

Если бы обладал я многосложным разумом и тысячью уст, чтобы каждым петью свою мысль, объединенную согласными целыми, и то невозможно говорить о величайшем — о вечности, ибо беден язык человека, скованный временем, угнетено слово человека, слабое и смертное, зажигающее не жизнь, а подобие.

Очи мои сверкают радостью в надежде видеть не погасающие сонмы миров, переполненных жизнью.

Какое смятение будет — видеть неразрушаемые одухотворенные солнца, слышать звучание огненных колес в вечности.

Изнеможено слово мое, и я, прислушиваясь к мудрым голосам, благоговейно склоняю голову и благословляю торжество моего духа, порывающегося к совершенной любви, не знающей утомления и смерти.

Родные мои, отец и мать, братья, сестры, жена и дети моих братьев, — жду вас в воскрешении** на вечное свидание, во откровение Слова для совершенной Любви.

В ней встретимся взаимопрониновенно, образуя вечную славу, все любя, биение жизни преисполняя благоухающим светом.

Будем жить один в другом, и небесные силы откроют нам тайну бытия своего, и узрим лицом к лицу Отца.

* Сельский хоровод, движение посолонь, городские крестные ходы — подобие Коперниканской архитектуры.

** «Идеальность форм знания: пространства и времени в воскрешении станет реальностью. Всеобщее воскрешение будет единством истории и астрономии, или последовательности поколений в совокупности, полноте, цельности миров. Трансцендентальная (предопытная) эстетика пространства и времени станет нашим опытом или всеобщим делом». (Н. Ф. Федоров)¹⁶.

И сокровенные содрогнутся недры в гармоническом звучании, раскрываясь и просветляя сонмы восставших сынов, образуя хвалу Пресвятой Троице.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Архитектура, Строй, Гармония миров
могут быть результатом не мысленного зна-
ния, а управления мирами.

*Н. Ф. Федоров*¹⁷

Тоска в трудных блужданиях терзает сына, забывшего отцов; не находит он места под солнцем, убийством ищет утвердить бытие свое, и в бессмыслии точит косу своей смерти. Обольщается отсветами, не видя их угасания, не трудясь над расцветом их, жив лишь во сне, в яви же падает.

Ужасается смерти, но стоит, обреченный ею, в бессилии.

Растерянно живя, истощает силы души и вот уже ненавидит жизнь свою и Отца, родившего его, ненавидит брата и друга.

Забыв отца, сам осуждает себя, а сердце его подобно камню.

Нет утешения ему пышным и многоцветным сегодня, завтра надвигается, как рок.

Делами сегодня к новому утру пробуждается рабом.

Засмеется — оглядывается, радуется — и не верит радости.

Легкий, проходит он как видение, горит соломой, но в убийствах — первый, ибо ищет силы и тяжести своей.

Любит он новое, как женщина, и обманывается, и вновь ищет.

Переливание из оскудевшего в пустое, меняя форму, — называет искусством.

Разумный сын, любящий отцов, — знает дело жизни: прост и кроток он, как голубь, ищет не счастья, а труда, — следуя завету восстановить человека и гибнущую вселенную.

Чистый, в простоте, примиряет и объединяет у общей трапезы враждующих, чтобы построить из человеков воскрешающий храм-музей для общего дела: накормить голодного силой оружия, обращенного на благо жизни, и преобразить село, охраняющее кладбища, — в село, воскрешающее отцов.

Ибо мудрый знает, что искусства — таинство Евхаристии — Воскрешение Мертвых, истинное дело. И следует истине в деле жизни, чтобы воссоздать единством человеческого рода обновленную жизнь в обновленном небе.

